

humaines. P., 1933; Hankins F. H. The Racial Basis of Civilization. N. Y., 1926; *Hertz F.* Rasse und Kultur. Leipzig, 1925; *Vacher de Lapouge J.* Race et milieu social: Essai d'anthroposociologie. P., 1909; idem. Les sélections sociales. P., 1896; *Woltmann L.* Die Germanen und die Renaissance in Italien. Leipzig, 1905; idem. Die Germanen in Frankreich. Jena, 1907.

*Лит.:* Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902; Гофман А.Б. 7 лекций по истории социологии. М., 1997; *Lichtsinn H.* Otto Ammon und die Sozialanthropologie. Frankfurt a. M., 1987; *Seilliere E.* Houston Stuart Chamberlain, le plus recent philosophe du pangermanisme et mystique. P., 1917.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902.
2. Вольтман Л. Политическая антропология. М., 2000.
3. Гофман А. Б. 7 лекций по истории социологии. М., 1997.
4. Чемберлен Х.С. Арийское мирозерцание. М., 1913.

В.Г. Николаев

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наш постоянный автор.

## ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Эволюционизм (от лат. *evolutio* — *развертывание, разворачивание*) — первое теоретически значимое направление в культурной (социальной) антропологии, основанное на представлении об историческом движении человеческого общества от низшего уровня к высшему (соответственно от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному). При этом изначально предполагалось, что в культуре с самого начала содержится вся программа ее развития, осуществляющегося по ступеням, каждая из которых характеризуется качественным приращением разнокачественных единиц с последующей интеграцией и повышением уровня организации.

Культурная антропология начиналась как наука, базирующаяся на идеях эволюционизма. Более того, понятие «эволюция» задало импульс развитию культурно-(социально-)антропологической терминологии, обеспечив ее базовым принципом, относительно которого можно организовать и синтезировать многочисленные данные.

В XVII в. понятие «Э.» начало использоваться в Англии для обозначения такой упорядоченной последовательности событий (при которой каждое из них детерминировано ее исходной точкой («гермом»)), которая предопределена исходными условиями ее возникновения. Такое понимание, начиная с Аристотеля, базируется на исходном допущении, что вещи изменяются в соответствии с собственным внутренним принципом, воплощенным в «семени», или «герме».

Лейбниц называл такие гермы «монадами» и считал, что в них изначально заключены все характеристики, которые объекты будут последовательно актуализировать и обнаруживать. Более того, согласно Лейбницу, развитие или разворачивание монады обусловлено действием, прежде всего, внутренних сил, а не внешних условий.

Эта точка зрения на природу изменений была широко распространена в европейской философии в течение XVIII в. и в начале XIX в. *И. Кант*, например, считал, что гермы заложены в природе человека, который развивается только согласно изначальной схеме. *Г.-Ф. Гегель* также полагал, что принцип развития предполагает существование исходного герма бытия, или способности, потенциала, стремящихся к реализации вне зависимости от внешних условий.

Иными словами, в XIX в. превалировала следующая концепция эволюции: гермы, присущие всем вещам, содержат внутренний принцип развития,

Статья взята из материалов энциклопедии «Культурология. Т. 3. Культурная антропология», которая готовится к изданию коллективом авторов Российского института культурологии.

который ведет их через различные серии метаморфоз по восходящей универсальной шкале. Эта концепция носила также название преформационизма.

Именно в этом смысле термин «эволюция» был впервые использован Ш. Бонне применительно к развитию зародыша.

Формирование эволюционизма как общей теории началось в первой половине XIX в. и было связано с научными представлениями того времени о развитии. Впервые ее систематически применил Л. Окен, выдвинувший предположение о едином субстрате, из которого произошли все классы и виды органического мира. Его последователем стал Ж. Ламарк, исходивший из допущения о приспособлении организма к окружению и о наследовании приобретенных таким образом свойств в рамках вида. Ч. Дарвин, сформулировав принцип естественного отбора, придал исходным основаниям эволюционизма определенную завершенность. Формированию этого теоретического направления способствовали представители других естественных наук – эмбриологи, геологи, палеонтологи и др.

К середине XIX в. сформировалась методология позитивизма, под влиянием которой в науке возобладал принцип эмпиризма. Место философских спекуляций заняли логические классификации и определения временных последовательностей в процессах развития как видов животных, так и истории человечества.

В антропологии эволюционизм стал доминировать приблизительно в середине XIX в., основные идеи исходили из Германии, Англии, Франции, а также Австрии, хотя и в меньшей степени. Одним из старейших представителей направления считается Г. Клемм с его пятитомной «Общей историей культуры человечества» (1843–1847).

В 1850 г. австрийский юрист и этнолог И. Унгер опубликовал работу «Брак в его всемирно историческом развитии», где все еще заметно влияние идей Гегеля. Т. Вайц в «Антропологии диких народов» (1859) попытался объединить антропологическую, культурно-историческую и психологическую позиции в построении основ новой науки. По его мнению, в отличие от истории, ограничивающейся исключительно положением конкретных событий, необходимо стало исследовать основные направления развития государственного периода существования человечества в качестве «естественной основы истории».

Наиболее широкое распространение эволюционизм нашел в Англии. С 1850 г. термин «эволюция» начинает входить здесь в достаточно широкое употребление, но все в том же значении имманентного развития. Первое строгое и неметафизическое определение эволюции дал в 50-х гг. XIX в. Г. Спенсер. Ч. Дарвин, вопреки распространенному мнению, использовал его лишь в 1872 г., не давая ему специального толкования.

Г. Спенсер освободил понятие «эволюция» от метафизических обертонов, дал ему точное определение, продемонстрировал его универсальную

применимость в качестве ведущего принципа всех исторических изысканий. Он определил эволюцию как преобразование неопределенной, неупорядоченной гомогенности в определенную упорядоченную гетерогенность путем последовательных дифференциаций и интеграций (см. прим. 1).

Крупнейшими основоположниками культурного эволюционизма принято считать Э.Б. Тайлора и Л.Г. Моргана. Правда, Тайлор был в значительной степени больше историком культуры, чем эволюционистом: ему было интереснее проследить историю мифов, обычаев, ритуалов, игр и других артефактов, а не выявлять общую форму процесса или последовательность стадий эволюции культуры как целого. Тайлор использует понятие «Э.», но не дает ему специального определения и применяет его практически к любой последовательности культурных форм, не ограничивая его содержание – в отличие от Спенсера – увеличением гетерогенности, определенности, интегрированности.

Подобно Тайлору Л.Г. Морган редко использовал термин «Э.» и также не давал ему точного определения. Тем не менее он часто обращался к понятиям «рост», «развитие», «прогресс». Хотя он предпочитал обсуждать эволюцию отдельных культур (ацтекских, греческих, римских), а не культуры в целом (как Спенсер), тем не менее в его работах специальное внимание уделялось крупномасштабным культурным изменениям в социальных системах в целом (в отличие от Тайлора).

У Моргана можно обнаружить две трактовки понятия эволюции: если изобретения и открытия имеют прогрессивную последовательность, то институты находятся друг с другом в отношениях разворачивания. Различия между ними, согласно Моргану, заключаются в том, что первому классу явлений соответствуют более или менее прямые связи, тогда как второму – развитие из нескольких первичных гермов мышления.

Для реконструкции культурной эволюции основоположники этого исследовательского направления обращались к трем типам источников данных: археология, история, этнография. Они считали возможным построить социальную науку, приближающуюся по методу и точности умозаключений к естественным. По их мнению, культура человечества может быть объектом объяснения в терминах (естественно)научных законов и принципов, поскольку она порождается естественными причинами. Это было принципиально новым по сравнению с предшественниками, которые считали невозможным объяснить ход человеческой истории, не принимая во внимание божественного вмешательства, форма которого считалась недоступной человеческому пониманию.

Эволюционизм можно считать первой попыткой научного подхода к обществу, культуре, истории. Свой вклад в формирование эмпирического и теоретического корпуса культурной антропологии, помимо Спенсера, Тайлора, Моргана, Конта, внесли такие исследователи, как Дж.С. Милль, Дж.

Фрейзер, Т. Уэйтц, Д. Бринтон, Дж. Макленнан, Дж. Фиск, Дж. Леббок, Г. Майн, А. Питт-Риверс, А. Хэдден, Ч. Кингсли и др. Вплоть до настоящего времени эволюционизм продолжает оставаться в культурной антропологии одной из наиболее влиятельной моделей исторического процесса, необратимых культурных изменений, называемых эволюцией или развитием.

Интерес к эволюционным идеям в мировой науке об обществе и культуре не оставался неизменным. После широкого распространения в конце XIX — начале XX в. это теоретическое направление стало считаться чуть ли не единственным для объяснения социокультурных изменений. Однако в начале XX в. оказалось, что существуют многочисленные факты, не поддающиеся эволюционной интерпретации. И по мере продолжения исследований общества и культуры их становилось все больше. Теория начала утрачивать научный авторитет и постепенно была вытеснена функционалистскими идеями.

Однако поскольку оба направления базировались на одних и тех же, эволюционных, допущениях о генезисе и существовании общества и культуры, в процессе становления функционализма неизбежно проявлялся интерес к их динамике именно в эволюционном ключе.

Интерес к идеям эволюционизма начал возрастать в 50-е гг. XX в. Появляются и все шире распространяются работы, где устанавливаются аналогии и связи между биологической и культурной эволюцией. Празднование столетия со дня выхода в свет работы Ч. Дарвина «Происхождение видов» стимулировало дискуссии, посвященные проблемам эволюции, и выход в свет книги «Эволюция и антропология: оценка за столетие» и трехтомника «Эволюция после Дарвина» (1985).

Такой поворот привел к порождению социально-научного направления, обозначенного как «неоэволюционизм», которое объединило весь спектр представлений, связанных с изучением необратимых социальных и культурных изменений, обусловленных отношениями человека как вида с его природным и искусственным окружением. За время существования неоэволюционизма были получены ценные обобщения и выводы, относящиеся к закономерностям глобальных социокультурных процессов, определению единиц социокультурного развития, разграничению общей и специфичной, макро- и микроэволюций.

С момента возникновения классического эволюционизма и до сих пор считается, что социальное и культурное развитие обусловлено действием механизмов адаптации человека к окружению двух типов — биологических и культурных. Они относительно независимы друг от друга как по способам функционирования, так и по последствиям. В то же время они совместно контролируют параметры отношений людей с окружением (например, обмен ресурсами, информацией, антропогенное давление на среду и т.д.), значения которых меняются под влиянием как человеческих воздействий, так и

средовых факторов. Изменения подразделяются на два типа. Во-первых, вариации, обозначающие форму колебаний, не выходящих за границы установленных параметров системы, не меняющих ее структуры. Они находятся под контролем механизмов гомеостазиса. Во-вторых, структурные сдвиги, предполагающие смену соотношения параметров или порождение новых переменных и устанавливающие связи социальной системы с изменившимся окружением. Адаптационные механизмы регулируют оба типа процессов, сохраняя целостность системы. Когда же изменения параметров выходят из-под контроля, система может разрушиться или утратить самоидентичность.

Принято выделять три типа концепций эволюции: однолинейная, универсальная и многолинейная. Представления об однолинейной эволюции базируются на допущении наличия универсальных стадий развития социальных систем (например, классические «дикость — варварство — цивилизация»). Концепция универсальной эволюции базируется на идеях Л. Моргана, где последовательность в развитии культуры выводится на самый абстрактный уровень с отвлечением от его многообразных проявлений. Исследовательское поле ограничивается только культурными универсалиями, чертами, чей вклад в глобальное развитие культуры считается бесспорным. Основу теории многолинейной эволюции составляет допущение о возможности множества примерно равноценных путей социального и культурного развития. Сторонники этой позиции не стремятся «открыть» всеобщие законы эволюции. Они ограничиваются, как отмечает Дж. Стюарт, описанием отдельных регионов и характерных для них исторических поворотов и параллелизмов.

Особое внимание уделяется изучению связей человеческих сообществ с природным окружением. Эта ветвь неоэволюционизма называется по-разному: экологической антропологией, культурной географией, средовой адаптацией. Известные антропологи Э. Вайда и Р. Раппопорт обозначили это направление как «культурная экология» и первый этап его развития отнесли к появлению работы *Дж. Стюарта* «Теория изменения культуры: методология многолинейной эволюции» (1955). Главная задача состоит в том, чтобы выяснить, какие из форм отношений людей с окружением порождают изменения эволюционного характера. Культурная адаптация понимается не как состояние социальной системы, но как перманентный процесс, поскольку считается, что культурные черты не могут достичь полного равновесия с природной средой и друг с другом. В ходе этого процесса строение культуры усложняется за счет внутренней дифференциации и возникновения инноваций.

Основные адаптационные механизмы, согласно этой теории, заложены в ядре социальной системы — институтах, технологиях, формах образа жизни, обеспечивающих совместное существование людей. В этом ряду «техно-

логическому базису» принадлежит ключевая функция инструмента адаптации. Его изменения влияют на сдвиги в социокультурных запросах и характере воздействия на среду. Это в свою очередь порождает переориентации культурного ядра в отношениях с окружением. Таким образом, процессы культурно-экологической адаптации носят конструктивный по отношению к социальной системе (но не всегда по отношению к окружению) характер.

Выделяются также элементы культуры, не входящие в ее ядро (например, идентификационные, стилевые и т.п.) и не участвующие в процессах адаптации социальной системы к внешним изменениям. Они не находятся в жестких причинно-следственных зависимостях друг от друга и потому могут варьироваться в относительно широких пределах. Общества различаются именно по таким вариациям, которые объясняются в соответствии с закономерностями «специфической эволюции».

Важной ветвью неэволюционизма стала концепция модернизации, выделяющая современные развитые общества в качестве такой совокупности необратимых социокультурных изменений, которая обеспечивает имеющим ее социальным системам определенные гарантии развития. К культурным чертам, отличающим традиционалистские (занимающим высшую позицию на такой шкале), относятся: технологии и производство, основанные на научном знании, сменившие ручной труд и природные материалы; демократический политический режим, сменивший абсолютизм и олигархию; универсальное юридическое право, сменившее локальное обычное; лично достигаемый социальный статус, сменивший предписанный по общественному происхождению; рационализированность социокультурной жизни, сменившая ее мифологизацию и идеологизацию; универсалистская философия человеческого существования, сменившая партикуляристскую, националистическую. Все эти черты считаются важными факторами общей эволюции. Они распространялись путем миграции, колонизации, завоевания, торговли, индустриальной экспансии, финансового контроля и связанного с ними культурного влияния более развитых стран и в глобальном масштабе вели к повышению качества жизни.

Препятствия такому распространению обусловлены диспропорциями в сочетании модернизационных (нравы, привычки, стереотипы) механизмов регулирования динамики различных социальных систем. Механизмы первого рода относительно подвижны, поскольку предполагают рациональный контроль над социокультурными процессами, а в условиях модернизации — над быстрыми техногенными изменениями. Механизмы второго рода обычно неотрафлексированы и потому носят жесткий характер, действуя автоматически вне зависимости от их эффективности. В современных условиях вторые не помогают людям приспособиться к антропогенному окружению, сложившемуся в результате действия первых. Соответственно неэволюционисты ищут средства преодоления вызываемых этим социальных и культурных проблем.

### Теоретические основания классического эволюционизма

#### Характеристики культурной эволюции

Для классического эволюционизма характерна устойчивая совокупность общих исходных допущений, на которых базируется идея эволюции.

*Психическое единство человечества.* Этой концепции придерживались практически все представители классического эволюционизма. Из нее выводились культурные параллели, обнаруживаемые в истории. Э. Тайлор, Л. Морган, Дж. Фрейзер и др. полагали, что психика человека как такового одинакова во все времена и повсюду. Это допущение остается фундаментальным и для современной культурной антропологии.

Однако из него отнюдь не следует, что культурную революцию нужно рассматривать как разворачивание имманентных психических свойств человека. В классических работах ее в основном трактовали как реакцию человеческих сообществ на внешние условия существования. Это позволяло Тайлору и Моргану объяснять сходство культурных черт в различных обществах подобием жизненных условий, а не приписывать, как прежде, неуловимому «герму».

*Движение от простого к сложному.* Это допущение принималось в качестве логического принципа построения эволюционного процесса. Уже в ранней идее «герма» содержалось представление о том, что из простой нерасчлененной целостности «разворачивается» имманентный процесс дифференциации ее потенциала, ведущей к усложнению ее внутреннего строения. В поддержку этого допущения приводились данные археологии и истории, и, по словам Моргана, все они свидетельствуют о том, что человечество в целом последовательно прогрессировало «от низшего к высшему состоянию».

Объективными показателями такой направленности процесса считались такие культурные факты, как ремесла, переработка природных материалов, агрикультура, строительство, рациональное познание, моральный кодекс, религия, социальная организация и т.п. Г. Спенсер, Э. Тайлор полагали, что в соответствии со степенью их развитости можно объективно и точно упорядочить весь ход культурной эволюции от простого к сложному.

*Закономерность культурной эволюции.* Эволюция человеческой культуры в целом и ее отдельных составляющих изначально считалась закономерным процессом. Это подразумевало, что социальные и культурные институты развиваются одинаково, в одной и той же последовательности у всех народов. Соответственно задача антропологов состоит в том, чтобы «открыть» движущие силы и механизмы, обуславливающие «законы» культурной эволюции.

Из идеи закономерности логически следовало представление о непрерывности человеческой истории. Допущение о том, что настоящее вырастает из прошлого, делало правомерной экстраполяцию предшествующих культурных событий и состояний в настоящее и будущее. При этом без всяких разрывов и непоследовательностей. По словам Тайлора, этого принципа дол-

жен придерживаться каждый ученый, желающий понять историю человечества, мир, в котором он живет.

В то же время представители классического эволюционизма допускали, что отдельные человеческие сообщества в своей реальной истории могут пропускать некоторые стадии общего развития. Это сохраняло эволюционную модель в качестве общей теории при наличии противоречащих ей фактов.

Другой способ сохранить свою непрерывность предложил Э. Тайлор, введя в научный оборот теорию пережитков. К ним он относил культурные явления и процессы, сохранившиеся при новом состоянии от предшествующего и потому свидетельствующие о том, как происходит процесс развития. Из этого делался вывод, что по «пережиткам» можно реконструировать прошлые состояния общества, понять смысл и значение тех фактов, которые иначе оставались бы в современных обществах необъяснимыми. Такой же точки зрения придерживались Морган, Макленнан и Фрейзер.

*Форма развития культуры.* Классические эволюционисты отказались от трактовки развития культуры в прогрессивистском ключе. И Спенсер, и Тайлор считали, что в человеческой истории можно обнаружить периоды активного подъема, застоя, спада и разложения социокультурных процессов. В то же время они полагали, что в конечном итоге эволюция в целом доминирует над регрессией. Такие идеи имели особое значение для эволюционистов, противостоящих влиятельной в то время концепции «деградационизма», утверждавшей общую тенденцию снижения уровня культуры по сравнению с «золотым веком». И хотя к 70-м гг. XIX в. эта точка зрения утратила былой авторитет, она до сих пор периодически высказывается в философских и социально-научных дискуссиях.

Развитие не рассматривалось как униформный однолинейный процесс. Хотя его закономерность постоянно подчеркивалась, тем не менее не считалось, что каждое общество проходит через одни и те же последовательные ступени эволюции. Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрейзер, Дж. Макленнан — все они полагали, что эволюция представляет собой постоянно расходящиеся и дробящиеся многообразные процессы, осуществляющиеся с различной скоростью. Из этого следовало, что, находясь в несходных условиях, общества меняются по-разному. Соответственно в каждый период времени состояние человечества можно представить как совокупность социокультурных единиц, находящихся на разных ступенях эволюции и развивающихся с разной скоростью. Это представление получило название дифференциальной эволюции и применялось не только к человеческой культуре «в целом», но и, по мнению Макленнана, к изучению отдельных культур.

Для реконструкции общей эволюции это представление имело важное методологическое значение, поскольку позволяло делать выводы исторического характера на основе синхронных сравнений. Благодаря этому в рамках эволюционизма удерживалась традиционная для его предшественников идея

исторической последовательности «дикость — варварство — цивилизация», считавшейся закономерной для всех человеческих племен с оговоркой, что пути движения от стадии к стадии могут быть различными.

Таким образом, существовала своего рода идеальная модель эволюционного процесса, которая не описывала реальность, но обеспечивала теоретическую систему соотнесения при сравнении и обобщении эмпирических данных.

*Скорость эволюции.* Классический, как и современный, эволюционизм предполагает, что в ходе исторического времени культурное развитие постепенно ускоряется. Начиная с Г. Спенсера, считалось, что на ранних стадиях прогрессивные изменения осуществлялись с большими затруднениями и крайне медленно. Однако со временем благодаря умножению результатов эволюционного процесса и росту гетерогенности социальных систем скорость поступательного движения человечества возрастала «не строго, но в общем в геометрической прогрессии» (Г. Спенсер).

Кроме того, считалось, что общества различаются мерой своих возможностей к продолжению развития. Так, согласно Спенсеру, более простая организация может оказаться лучшей предпосылкой для нового эволюционного шага, чем более сложная, но и более жесткая структура. Жесткость в силу инерционности может помешать заимствованию или формированию новых, более адаптивных элементов системы, и таким образом затормозить ее развитие. Тогда как менее сложные и организованные системы в силу их пластичности легче заимствуют адаптационные образцы, ускоряющие их эволюцию.

*Представления о доисторическом обществе.* Реконструкция процесса социокультурной эволюции считалась в рамках классического эволюционизма основной задачей. В связи с этим концепция доисторического общества становилась отправной точкой такой реконструкции и нижним полюсом эволюционной шкалы. Но классические эволюционисты понимали принципиальную невозможность такой процедуры из-за радикальной и принципиально невосполнимой недостаточности эмпирических данных и неубедительности основанных на них доказательств. И хотя Морган, Фрейзер, Макленнан строили гипотезы относительно ранних форм человеческой культуры, такие спекуляции, вопреки расхожему мнению, отнюдь не были общей отличительной чертой классического эволюционизма.

Реконструкция основывалась на нескольких принципах. Во-первых, проведение аналогии между первобытными и современными «примитивными» культурами. Во-вторых, градация существующих обществ по степени сложности. В-третьих, использование сравнительного метода. При этом в работах Спенсера, Моргана и Тайлора подчеркивалось, что все выводы о течении эволюционного процесса следует считать лишь вероятными.

#### *Детерминанты культурной эволюции*

В классических эволюционистских работах не обнаруживается последовательно сформулированных теорий детерминации культурной эволюции.

Однако при всем многообразии объяснений ее движущих сил прослеживаются две основные тенденции: акцент помещается либо на «антропологических», либо на «средовых» факторах.

*Антропологические, имманентные детерминанты*

Идеи как побудители культурной эволюции. Эта позиция восходит к представлениям французских просветителей, а затем О. Конта и Дж.С. Милля об эволюции общества и культуры как производной человеческого разума. В качестве источников назывались «архетипические идеи» (Г. Майн), «элементарные идеи» (А. Бастиан), «гермы мысли» (Л. Морган), свойственные человечеству как виду. В то же время классические эволюционисты не были радикальными рационалистами и полагали, что идеи влияют на социальные и культурные изменения лишь тогда, когда для этого есть предпосылки на уровне чувств и активности.

Носителями «врожденных идей» считались расы и индивиды.

*Расовый (этнический) детерминизм.* Представления о «коллективном субъекте», воплощающем «врожденные идеи» в эволюционном процессе, нашли свое выражение в концепции расового детерминизма. В отличие от допущения о психическом единстве человечества, применяемого для объяснения общих черт в культурах разных обществ, к расам обращались для акцентирования культурных различий. Расовые различия при этом рассматривались:

- а) как количественные, а не качественные;
- б) в качестве признака, а не объяснения культурных различий.

Следует подчеркнуть, что эволюционисты считали расу не особой эволюционной единицей, как это было в более поздних расистских теориях, но отдельное человеческое сообщество — племя, народ, этнос.

*Индивиды как детерминанты культурной эволюции.* Индивидуальная обусловленность эволюционных изменений стала важным допущением при объяснении как культурных различий, так и порождения изобретений. Это особенно ярко проявилось в концепции «великих людей» как причины эволюционных изменений. Разумеется, объяснения не ограничивались обращением к индивидуальному поведению; во внимание принимались и культурная матрица, и природное окружение сообществ.

*Внешние детерминанты*

**Факторы окружения.** Влияние физического окружения на форму человеческих обществ признавали уже Ш. Монтескье и Дж. Вико. Классические эволюционисты также обращались к идее географического детерминизма. Однако они подчеркивали, что ход эволюции определяет взаимодействие культурных и природных факторов, а не просто воздействие последних.

**Жизнеобеспечение.** Классические эволюционисты придавали большое эволюционное значение жизнеобеспечению, таким его формам, как обработка земли, агрикультура, скотоводство, охота, рыболовство, ремесла. Их

рассматривали как способствующие адаптации, улучшению качества жизни, развитию технологий.

**Экономические факторы.** Классические эволюционисты не были экономическими детерминистами. Однако они признавали значимость подобного рода факторов при объяснении структурного усложнения человеческих сообществ, изменений в политических структурах, особенно таких, как развитие промышленности и торговая экспансия (Г. Спенсер), а также институт собственности (Л. Морган).

**Социальные факторы.** Одной из значимых социокультурных детерминант эволюции расселения, собственности, некоторых аспектов социальной организации считалась система родства. В качестве другой принималась социальная структура, из которой выводились ценности, обычаи, правила владения и наследования собственности.

**Завоевания.** Историческая значимость войн была предметом активных обсуждений как до возникновения эволюционизма, так и в его рамках. Вопреки распространенному мнению, война не рассматривалась здесь как эволюционная универсалия. Позитивная значимость приписывалась ей только на ранних этапах становления человеческой культуры. По мере исторического развития ее эволюционные функции считались убывающими, а разрушительные — возрастающими (Г. Спенсер, Дж. Макленнан).

**Диффузия и эволюция.** Обнаруживаемые в различных обществах одинаковые адаптационные черты объяснялись в рамках эволюционизма двумя конкурирующими способами. Сторонники идеи независимого изобретения считали их сходства производной видового единства человечества. Ведущие же фигуры эволюционизма придавали первостепенное значение в развитии культуры действию диффузионных механизмов. Морган, Тайлор и Фрейзер полагали, что относительные немногочисленные и появившиеся в разных человеческих сообществах эволюционно значимые изобретения в дальнейшем распространялись благодаря адаптационным преимуществам, которые они обеспечивали тем, кто их заимствовал. Правда, в рамках эволюционизма механизмы и процессам культурной диффузии специального внимания не уделялось.

**Естественный отбор.** Концепция естественного отбора занимала особое место в рамках так называемого «социального дарвинизма». Согласно этой точке зрения, те общества, которые лучше оснащены в технологическом отношении, сохраняются и процветают, а более слабые угасают и исчезают. Вопреки распространенному мнению, к социокультурному развитию первым ее применил У. Бэйджхот (1867), а Ч. Дарвин со ссылкой на него повторил этот тезис позже. Спенсер принял идею, однако отказался от термина «естественный отбор» и предпочитал говорить о «выживании наиболее приспособленных», считая второе определение свободным от телеологических обертонов первого. Концепция случайных вариаций, отбора и закрепления культурных образований не утратила популярности и сегодня.

**Общие направления неозолоционизма**

Выше были представлены те исходные допущения и представления о детерминантах эволюции, которые составляют общую концептуальную базу неозолоционизма. Его сторонники не стали радикально пересматривать теоретические основания классических идей, но занялись эмпирической проверкой гипотез о социальном и культурном развитии. Эволюция культуры при этом рассматривается как категория, объединяющая в последовательный процесс необратимые изменения, связанные с организационным усложнением социокультурной жизни и сохраняющиеся в глобальном масштабе. В то же время сами изменения, порождающие эволюционные универсалии, совсем не обязательно обуславливают развитие.

*Культурная единица (система) как объект эволюционного анализа.* Дальнейшее изучение связей между биологической и социокультурной эволюцией обусловило поиск таксономических социокультурных единиц, сопоставимых с концептами вида, подвида, популяции. К ним сегодня относятся человечество в целом, этносы, социокультурные группы, которые принято обозначать как «экосоциокультурные системы» или «культурные единицы». Впервые систематическим образом понятие экосистемы в культурной антропологии начал применять К. Гиртц. С этого времени терминология из общей теории систем распространилась на неозолоционизм, что было характерно в 1960-х гг. для всех социальных наук.

Социокультурные системы описываются в терминах трех измерений (подсистем): популяция, окружение, культура и механизмы их взаимодействия (Дж. Стюарт, М. Салинс).

*Механизмы эволюции культурной единицы (системы).* Считается, что структурная устойчивость или изменчивость системы зависит от условий ее существования и характера связей с окружением. Принято выделять три идеально-типических состояния системы, определяемых характером происходящих в ней процессов. Во-первых, объединение элементов системы, присоединение к ним новых извне, возникновение новых функциональных единиц за счет внутренней дифференциации. Это состояние называют ростом, если имеется в виду приращение однокачественных элементов, и развитием, если речь идет об умножении разнокачественных единиц с последующей интеграцией и повышением уровня организации. Во-вторых, установившиеся, стабильные внутренние и внешние связи. Такое состояние называется равновесным, гомеостатическим. В-третьих, процессы дезинтеграции и дифференциации, приводящие систему из более сложного в более простое состояние.

Динамика отношений системы с окружением обеспечивается эффективным действием механизмов «отрицательной» и «положительной» обратной связи. Первые ослабляют (в пределе — нейтрализуют) влияние негативных факторов, вторые — усиливают воздействие позитивных. Другой комплекс

механизмов эволюции определяется принципом минимума диссипации энергии или минимизации энтропии (И. Пригожин).

**Экологическая антропология**

Все эти представления были обобщены в рамках культурно-экологического направления, где с позиций общей теории систем изучается взаимодействие людей с природным и социальным окружением, закономерные связи между физическими и социокультурными переменными. Предметное поле исследований определяется тремя основными темами: адаптационные механизмы в отношении людей с окружением; энергетический обмен между обществом и средой; сравнительно-культурный анализ эволюционных универсалий.

Для экологической антропологии центральной задачей стало изучение факторов, обуславливающих процессы жизнеобеспечения. Уже в 1970-х гг. появились многочисленные монографии, статьи, учебные пособия на эту тему; начал издаваться специализированный журнал «Human ecology». Основоположниками этой области познания принято считать М. Салинса, работающего в области экологической антропологии; М. Харриса, автора концепции культурного материализма; Дж. Стюарта, систематизировавшего идеи многолинейной культурной эволюции.

Экологическая антропология характеризуется акцентом на изучение механизмов взаимодействия различных социокультурных систем с природным окружением; факторов, определяющих их сравнительную эволюционную значимость. Для обозначения последней здесь используется термин «адаптация». Он указывает на динамические связи человеческого сообщества с меняющимися условиями, обеспечивающими его выживание и благополучие как целого. Понятие вовсе не предполагает пассивного подчинения людей давлению среды. Для этого существует специальный термин — приспособление. Адаптация подразумевает как следование людей императивам средовых воздействий, так и изменение элементов окружения в соответствии с их нуждами.

*Общая и специфическая эволюция.* Дж. Стюарт и М. Салинс с самого начала исходили из допущения, что источник порождения и поддержания особенностей каждой отдельной культуры следует искать в области решений проблем, порождаемых взаимодействием с окружением. Этим определяются закономерности так называемой «специфической эволюции», т.е. развития отдельных культур. В результате межкультурных контактов и обменов происходит отбор и распространение адаптационных культурных черт, на базе которых складывается глобальный процесс, обозначаемый как общая эволюция.

Культурная эволюция рассматривается как процесс, продолжающий биологическое развитие человека как вида другими средствами: разработка образцов совместного существования людей и их воздействия на среду, зна-

ковых систем, моделей социализации и т.п. Поскольку эти средства не являются врожденными и обусловлены неодинаковостью жизненных условий и прошлого опыта популяций, культуры обретают специфические черты. Изучение и сравнение различных форм адаптации социальных систем к окружению, выделение из них эволюционных универсалий и привело к разграничению понятий общей и специфичной эволюции, помогающему ориентироваться в многообразии культурных явлений и процессов.

*Адаптация и эволюция.* Эти идеи нашли дальнейшее развитие. Так, стало понятным, что не все специфические культурные черты приспособительного характера можно считать эволюционными. К последним по определению относятся лишь те, что связаны с усложнением социокультурной системы и ее переходом на более высокий организационный уровень. В то же время дедифференциация, дезорганизация могут оказаться адаптационно целесообразными для системы, но отнюдь не ведут к ее эволюции.

Таким образом, концепции общей и специфической эволюции увеличи познавательный потенциал эволюционной теории. Появилась точка отсчета для анализа культурных форм в их непосредственной зависимости от окружения, а также возможность придавать самодовлеющую значимость культурной изменчивости и многообразию и не считать множественность культурных форм «отклонениями» или «пережитками» по отношению к эволюционным эталонам. Идеи культурного релятивизма и культурного прогресса нашли здесь примирение. Кроме того, на смену подходу, где популяция во взаимодействии с окружением априорно рассматривалась как системная целостность, приходит другой, где центром системообразования становится индивидуальное поведение, из которого выводятся образцы взаимодействия, свойственные отдельным культурным группам. Оценка воздействия общества на окружение складывается из дифференциального рассмотрения влияния каждого из активно действующих элементов.

#### **Культурная единица в исследовании специфичной эволюции. Этнос**

Этнос представляет собой наиболее показательный пример построения социокультурной единицы, предназначенной для изучения специфичной эволюции, особенно в контексте отношений между традиционалистскими и модернизационными тенденциями в современном мире.

*Этническая группа.* В исследованиях, посвященных формированию этнических групп в контексте модернизационных процессов, рассматриваются мобилизационные факторы, усиливающие, по словам С. Хантингтона, стремление людей к этнической идентификации и формированию этнических движений и групп, направленное на сохранение культурной самобытности в условиях глобализации. Важное место в связи с этим занимает выявление механизмов интеграции разрозненных носителей этнических характеристик в социокультурную систему. В частности, изучаются процессы фор-

мирования и функционирования политических элит, харизматического лидерства, символических выражений этноидеологии. Рассматриваются специфичные для разных групп механизмы ускорения или торможения модернизационных процессов.

Значимым механизмом, стимулирующим распространение культурных инноваций в обществе или группе, считается добровольное заимствование. Он рассматривается как обуславливающий в основном общую эволюцию, в данном случае распространение модернизационных процессов. Механизмы, препятствующие такому распространению, связаны с конфликтами между консервативными и реформистскими, этноцентрическими и демократически ориентированными объединениями. В случае значительного отставания этнической единицы от глобальных модернизационных тенденций она остается неинтегрированной в контекст соответствующих преобразований. В этом случае изучаются факторы и механизмы, обуславливающие развитие одних и деградацию других этнических регионов и групп.

Реальные исторические процессы опровергли идеологию некоторых эволюционистов (например, К. Маркса и его последователей) о неизбежности преодоления национально-культурных различий и формирования транснационального мирового сообщества. Такие взгляды господствовали вплоть до 1960-х гг., однако в 1970-х гг. стало очевидным, что не только в модернизирующихся, но и в модернизированных странах этническая идентификация вовсе не ослабляется, но усиливается, а этномобилизация составляет важный аспект современной политической жизни, источник социальных напряжений и конфликтов. Этническая группа, как следует из работ С. Хантингтона, Н. Глейзера, Д. Мойнихана и др., считается значимой динамической социокультурной единицей, генезис и развитие которой, в отличие от исторических спекуляций, могут быть прослежены и документально проверены по крайней мере в пределах одного-двух веков.

От других социокультурных единиц — социальный класс, группа интересов, гендерная категория — этническое объединение отличается рядом особенностей. Во-первых, их члены руководствуются интересами прошлого и будущего и потому долговременными социокультурными устремлениями, сохраняя традиционные черты культуры. Во-вторых, такая группа значительно более полифункциональна, чем другие, и удовлетворяет многообразные чаяния ее представителей, принадлежащих к разным классам, поколениям, гендерным категориям. В-третьих, принадлежность к ней подразумевает возможности личностной самореализации, значительно большие, чем в других группах.

*Этническая идентификация.* Этническая идентичность в рамках каждой культуры — величина переменная и ситуативно обусловленная. Подобно классовой, она часто становится основой идеологии, а группы, порождающие и поддерживающие ее, возглавляют этноцентристские движения.



Этнос, следовательно, является сегодня одной из наиболее заметных культурных единиц, которая рассматривается как целостность во взаимодействии с окружением и другими единицами. Она относится к людям, разделяющим определенные идентификационные признаки, традиционно передаваемые от поколения к поколению:

- выраженность этноспецифичных черт;
- осознание и высокая ценность обладания такими чертами принадлежности к этнической группе;
- наличие определенной организационной структуры, институционально поддерживающей лиц с общей этнической идентичностью.

Особенность такого рода характеристик, как отмечал Т. Парсонс, состоит в их аскриптивности — приобретении путем культурного наследования, а не за счет личностных достижений. В то же время речь идет об общности не кровнородственных связей, но культурных особенностей, которые в антропологии принято называть этнической категорией. Она представляет собой устойчивую культурную черту, сохраняющуюся в обществе вне зависимости от степени интегрированности и социальной активности этнических групп.

Таким образом, в дополнение к демографическим, классовым, гендерным признакам этнические черты составляют важную базу для «естественной» и для научной дифференциации человеческих сообществ.

*Формирование этнической группы.* Доказанная концепция этногенеза в культурной антропологии отсутствует. Поэтому относительно ранних стадий формирования этнических групп и этнической категории существуют многочисленные точки зрения, которые в конечном итоге сводятся к двум основным ориентациям: примордиальной и культурно-детерминистской. В первом случае считается, что формирование этноса основывается на общности предков, принадлежности к одной расе и эволюционирует на этих эндогенных (внутренних для популяционного ядра) предпосылках. Во втором случае этносы рассматриваются как ситуативно обусловленные экокультурные образования, организационные конструкты, сложившиеся для совместного решения определенного набора социально значимых проблем, вокруг чего и складываются характерные для сообщества «культурные темы» и соответствующие им институты.

Спор ведется также и относительно будущего этнической формы дифференциации человечества. Те, кто считают приверженцев этноидентификации носителями пережитков более ранних стадий культурной эволюции, полагают, что со временем такая форма станет анахронизмом и исчезнет. Те же, кто рассматривают этносы как аналитическую социокультурную единицу, считают, что в процессе культурной эволюции они будут модифицироваться, но сохранять свою функцию дифференциации человеческой популяции.

Концепция культурного этногенеза проверяется и уточняется при изучении современных процессов, связанных с этническим самоопределением. При этом одни сторонники этнической идентификации группируются для получения экономической и политической автономии от крупномасштабной социально-политической системы, к которой они принадлежат. Для ряда групп, особенно небольших по составу, более характерно стремление не столько к политическому или экономическому, сколько к культурному самоопределению. Есть группы, объединяющиеся по этническому признаку для более полной интеграции в рамки «основной» культуры (например, группы мигрантов). С точки зрения культурной эволюции важно принимать во внимание, в каких формах, насколько интенсивно и с какими локальными и глобальными последствиями осуществляется объединение людей на этнической почве.

*Механизмы сохранения этнической единицы.* Они становятся особенно заметными в контексте концепции плюрализма, предполагающей сосуществование в рамках одной социокультурной единицы сразу нескольких идентичностей: региональной, этнической, классовой, религиозной, лингвистической и т.п. Более того, в любой культуре обнаруживаются не только различные основания для идентификации, но и реальные объединения людей, использующих такие основания для группового самоопределения. Это сопровождается плюрализмом нормативных, ценностных систем, различиями в образе и стиле жизни. Соответственно следует с большей осторожностью относиться к употреблению выражений «общество в целом», «культура в целом».

Утверждается, что в условиях культурного плюрализма существуют механизмы специфичной эволюции, выполняющие для каждой единицы селективные, стабилизирующие, направляющие функции, способствующие сохранению ее самотождественности. Важнейшим механизмом такого рода принято считать традицию. Культурная традиция обеспечивает воспроизведение норм, ценностей, паттернов этнической культуры. Этим термином обозначается непосредственная трансляция специфичных культурных форм от поколения к поколению и контроль над их сохранением. Благодаря действию механизма традиции структурируется опыт социокультурной идентификации, упорядочиваются взаимодействия с представителями других групп, осваивается стандартный этноспецифичный опыт.

Традиция выполняет также функцию селективного механизма по отношению к инновациям. Благодаря ее действию из них отбираются только те, что не оказывают разрушительного воздействия на этноспецифичные черты, и отвергаются те, что грозят им серьезными структурными изменениями.

В самом общем виде в контексте изучения культурной эволюции действие механизма традиции в этнической единице нередко соответствуют биологическому естественному отбору.

**Культурная черта в изучении общей эволюции.****Эволюционная универсалия**

В рамках современного эволюционизма принято разграничивать макро- и микроэволюционные процессы, что позволяет выявлять закономерные связи между устойчивыми и изменчивыми культурными феноменами. Начиная с М. Мид, термин «микроэволюция» относится к процессам непосредственного взаимодействия индивидов и социокультурных групп и связывается с концепцией специфичной эволюции. Макроэволюция определяется как интегральный результат активности больших человеческих популяций. На этом уровне динамические особенности отдельных единиц обычно не принимаются, т.е. речь идет об общей эволюции.

Этнос как культурная единица хорошо иллюстрирует уровень специфичной эволюции и микроэволюционных процессов. Макропроцессы общей эволюции в настоящее время принято рассматривать с помощью аналитической единицы культурной антропологии, обозначающей устойчивую совокупность представлений, отношений, действий, вещественных объектов, традиционно существующих в культуре.

*Концепция эволюционной универсалии.* Концептуальный образец неэволюционистского подхода к изучению механизмов общей социокультурной эволюции представляет собой работа Т. Парсонса «Эволюционные универсалии в обществе». Ими он называет «структурные инновации», обеспечивающие обладающим ими социальным системам преимущества перед другими с точки зрения дальнейшего развития. Такая социокультурная черта составляет узловой центр, вокруг которого образуется область адапционных видов активности, механизмов, институтов, т.е. специфичных эволюционных черт, стимулирующих процесс общей эволюции. Правда, Парсонс не объясняет, каким образом и при каких конкретных условиях формируются универсалии такого рода. Скорее всего, это примерный аналог случайных мутаций в биологической эволюции. Соответственно они закрепляются в социальной системе за счет того, что увеличивают ее адапционные возможности, и сохраняются в форме черт или институтов независимо от причин возникновения.

Исходя из представлений о «доисторической» и «исторической» формах развития человечества, Парсонс полагает, что переход от одного типа социальной организации к другому начинается с момента формирования эволюционных универсалий.

Согласно Парсонсу, две из них положили начало разрушению структуры социальных связей, характерных для «примитивной» стадии социокультурной эволюции. Во-первых, это институализация дифференциации социально значимых функций (по Э. Дюркгейму – «разделение общественного труда»), независимая от структур родства. Она становится предпосылкой для социального расслоения. Во-вторых, сама система социальной стратифика-

ции, т.е. культурно маркированного закрепления устойчивых границ между иерархически упорядоченными социокультурными группами, составляющими общество. Парсонс полагает, что стратификация служит условием легитимизации политических функций.

Появление остальных эволюционных универсалий относится уже ко второй стадии социокультурного развития человечества. Это институты рынка и денег, бюрократия, универсалистская правовая система, демократическая ассоциация.

Формирование такого рода черт осуществляется на определенной базе, которую Парсонс называет предпосылками социокультурного развития. К ним он относит родство, технологию, язык, религию. Они считаются необходимыми для совместного существования людей, поскольку определяют: непосредственные социальные связи в структурах родства; жизнеобеспечение с использованием технологий; коммуникацию с помощью языка; символическую интеграцию через систему религиозных верований.

*Эволюционные универсалии и технология.* Т. Парсонс проводит концептуальное различие между эволюционными универсалиями и технологией на основе их функциональной специфики. Эволюционная универсалия определяется как инновация, обеспечивающая возрастание адапционного потенциала социокультурной системы, а технология в самом общем виде понимается как средство его актуализации. При этом подчеркивается ее относительная функциональная автономия по отношению к другим измерениям общественной жизни, которая обуславливает ее высокую мобильность как внутри систем, так и между ними. Именно в силу этого диффузия технологий достаточно свободно осуществляется в контексте социокультурных систем с различными типами экономической, политической, социальной, символической организации.

Технологии обеспечивают обществу повышение адапционного потенциала двумя способами. Во-первых, по отношению к природным ресурсам технологии используются, чтобы увеличить объем используемых людьми благ. С их помощью для каждого облегчается возможность получить большее вознаграждение без сокращения его величины для других. Во-вторых, такое развитие является основным источником власти над окружением. Социокультурные системы с более высоким уровнем технологического развития могут эффективно конкурировать с системами, менее развитыми в этом отношении, и навязывать им свои условия взаимодействия. Поскольку технологическое развитие способствует расширению сферы адапционных возможностей социальной системы, оно повышает ее шансы на специфичную, а возможно, и общую эволюцию.

С развитием технологии тесно связывается качество используемой людьми энергии, которое, начиная с Л. Уайта, считается одним из важнейших показателей культурной эволюции. В рамках неэволюционизма демонст-

рируются последовательное возрастание и качественная модификация используемой человечеством энергии, изменение ее источника: мускульная сила человека, домашних животных, энергия воды и ветра, ископаемое топливо, электрическая, а сегодня и атомная, энергия. Разработан индекс оценки адаптации, связывающий характеристики энергетической системы общества и его социальной организации. Развитие технологий в этом отношении обеспечивает устойчивые связи общества с окружением через интегральное использование его членами энергетических ресурсов. С точки зрения неозволюционистов, человеческая культура характеризуется уникальной и сложной системой извлечения из окружения, хранения и использования энергии, необходимой для снижения энтропии в процессах социальной жизни людей, т.е. для ее эволюции.

### Пределы роста

В рамках неозволюционизма, как отмечает Р. Нэрролл, различия культур оцениваются по совокупности следующих параметров: подчиненность окружению (от слабой до сильной); организационная структура (от простой до сложной); формы расселения популяции (от сельской до городской); специализация общественного разделения труда (от нерасчлененной до узкоспецифичной); режимы управления (от консенсуса до единовластия); распределение благ (от уравнительного до жестко дифференциального); поведение элит (от ответственного до эксплуататорского); функции войны (от мести к политическим интересам).

Считается, что современное модернизированное общество («модернити») обладает культурными чертами, которые обеспечивают ему оптимум адаптированности к природному и культурному окружению. Оно в наименьшей степени зависит от окружения; обладает сложной и подвижной организационной структурой; имеет широко разветвленную систему общественного разделения (специализации) труда; в нем преобладает демократическая система управления; ему свойственно дифференциальное распределение благ; поведение его элит ответственно; оно ориентировано на предотвращение войн. Оно считается эволюционно наиболее «продвинутым» и в этом смысле служит эталоном для сравнительной оценки современных обществ в контексте глобализации.

*Кризис роста.* Изучение социокультурных процессов, происходящих в постиндустриальных обществах, свидетельствует о том, что их рост и экспансия не безграничны. Этой теме посвящена научная, экспертная и просветительская деятельность Римского клуба. С одной стороны, динамика общества и культуры ограничена социобиологическими предпосылками, антропологическими инвариантами, устанавливающими внутренние для человека пределы физическим, психическим, познавательным возможностям человека. С другой стороны, конечность размеров планеты, ограничен-

ность жизнеобеспечивающих средств, невосполнимость некоторых существенных для человека природных ресурсов делают очевидными внешние пределы сегодняшней стадии социокультурной эволюции.

Современный цивилизационный кризис обусловлен, согласно изысканиям участников Римского клуба, нерациональным использованием ресурсов и технологий, приверженностью к росту и экспансии искусственного мира, отсрочкой в принятии и реализации социально значимых решений, краткосрочными и плохо обоснованными политическими стратегиями. Как подчеркивает А. Печчеи, проблема пределов роста и развития человечества носит, прежде всего, культурный характер. Сегодня ясно, что необходимо ограничить человеческую активность по отношению к окружающей среде, поскольку она уже приносит заметный вред людям, животным, растениям, планете как таковой. Однако пока неизвестно, как установить эти пределы.

Наряду с эволюционными процессами в каждом обществе, равно как и в глобальном масштабе, происходят и иные социокультурные события, которые не имеют отношения к повышению адаптационного потенциала человечества в классическом смысле. Простое наблюдение свидетельствует о том, что люди тратят значительную часть времени и энергии на бессмысленную, неэффективную работу, на необязательные напряжения и конфликты; бездумно расходуют невосполнимые природные ресурсы. Многие продолжают не задумываясь воспроизводить потомство, не имея возможности обеспечить ему благоприятные условия существования, а сегодня возрастает степень риска появления на свет высокого процента физически и психически неполноценных детей.

Даже использование научного знания и технологий люди способны лишить рациональности. Так, наука сначала фетишизируется и рассматривается как панацея от всех человеческих проблем, что ведет к массовому распространению научной идеологии. Затем оказывается, что научное познание имеет строгие ограничения, требует серьезной работы и не ведет к непосредственному изменению реальности. Это вызывает мощную волну антициентизма, оправдывающую массовое невежество и обскурантизм. Что касается технологий, то их разработка и использование во вред самим же людям — войны, разрушение природной среды, средства массового воздействия — сегодня стало обычным явлением.

*Рационализация адаптационных процессов как черта общей эволюции.* Сторонники идеологии пределов роста полагают, что истоки современного глобального социокультурного кризиса следует искать в неадекватной организации человеческой активности при условии, что искусственный мир человека начал выходить из-под контроля. Такое положение дел порождает проблемы, обусловленные его особенностями. Во-первых, созданное людьми окружение, в отличие от природного, не обладает свойством самовос-

производства, но для его поддержания в пригодном для жизни людей состоянии необходима постоянная затрата усилий. И чем оно объемнее и сложнее, тем больше усилий и времени нужно для его обслуживания и поддержания. Во-вторых, культурная среда является результатом не спонтанного возникновения, но конструктивной активности людей. Соответственно использование и поддержание искусственных объектов (артефактов) предполагает понимание того, что они собой представляют, и умение обращаться с ними.

Следовательно, эволюция культуры предполагает увеличение меры рациональности в отношении человека не только к рациональности как таковой, но и к самому себе. Об этом, в частности, свидетельствует рационализация в XX в. тех областей человеческого существования, которые прежде не находились под постоянным и жестким преднамеренным контролем: бессознательные процессы, пограничные психические состояния и отклонения, мистические переживания и т.п.

По отношению к окружению нерациональность человеческого поведения сегодня стала очевидной. В хозяйственной сфере она проявляется в случайных размещении и структуре производства, в несвязанности их ни с распределением населения, ни с необходимостью обеспечения занятости людей, ни с программами социально-экономического развития конкретных регионов. В отношении к ресурсам преобладает расточительность; идеология потребительства; нерациональные способы производства и потребления в глобальном масштабе; затраты на военные программы, которые не только не способствуют улучшению жизненных условий людей, но связаны с постоянной угрозой массового разрушения и уничтожения. В отношении людей к самим себе доминирует попустительство безотлагательному удовлетворению собственных желаний, невежеству, вульгарному гедонизму, социальной безответственности и т.п.; из-за этого люди все больше мешают друг другу проявлениями своей индивидуальной свободы.

Однако, по мнению сторонников концепции пределов роста, сегодняшние негативные явления не означают движения человечества к закату, заложенного в самой человеческой природе. Это кризис цивилизации или культуры, причина которых кроется в несоответствии массовых стереотипов социального поведения изменившимся условиям существования человечества. А поскольку модификации этих условий антропогенны, сами же люди в принципе могут исправить ситуацию, поскольку знают не только об истоках многих негативных культурных тенденций, но и о возможных путях и средствах их смягчения. Соответственно современные эволюционисты говорят о необходимости вырабатывать новые схемы использования людьми собственного социокультурного потенциала, позволяющие найти новые модальности в их отношениях с природным и искусственным окружением, т.е. о формировании новых эволюционно-культурных универсалий.

### Использование эволюционистских идей в изучении динамики культуры

Сегодня общепризнанно, что динамика социокультурной жизни не исчерпывается эволюционными процессами, или процессами развития в их строгом социально-научном определении. В то же время все исследования XX в. подтверждают, что таким процессам принадлежит важная роль в историческом движении человечества. Поэтому идеи эволюционизма продолжают занимать ведущее место в изучении динамики общества и культуры. По сути дела пока это единственная «большая теория», или парадигма, специально ориентированная на изучение закономерностей социальной и культурной изменчивости.

Принятые в рамках этого теоретического направления классические исходные допущения не утратили эвристического потенциала. Они вполне применимы к моделированию как макро-, так и микродинамических процессов. Соответственно вопрос относительно эволюционистской парадигмы относится не к правомерности ее использования, но к границам ее применимости. Если эти границы будут логически обоснованными и достаточно четко установленными, использование концепции развития может дать значительно более интересные и обоснованные результаты, чем до сих пор.

С помощью эволюционистского подхода к обществу и культуре решается несколько классов задач:

- продолжение традиционной для эволюционизма темы необратимости исторических изменений на уровне панкультуры, составляющих эволюционные процессы, т.е. характеризующиеся дифференциацией культурных систем с их последующей интеграцией на более высоком уровне организации (усложнения). В этом отношении весьма плодотворным оказывается изучение эволюционных универсалий и последовательности их возникновения и взаимосвязанности;

- выявление факторов, обуславливающих вероятность возникновения таких универсалий, а также механизмов их формирования и трансформации в исторических масштабах времени. Подобные исследования позволяют понять, благодаря каким движущим силам происходит повышение уровня социокультурной организации;

- изучение соотношения процессов специфичной и общей эволюции, которое позволяет отделить развитие от других динамических форм и сделать последние специальным предметом анализа. При этом иначе начинает выглядеть контекст социокультурной динамики в глобальном масштабе. Он становится более дифференцированным и концептуально упорядоченным. Соответственно увеличивается достоверность суждений о факторах, способствующих и препятствующих распространению эволюционных изменений;

- определение и типология социокультурных единиц, в рамках которых могут быть достаточно детально прослежены процессы развития. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что понятие эволю-

ции никогда не может быть отнесено к отдельной культуре или панкультуре в целом. Всегда, на любом уровне анализа наряду с развивающимися единицами обнаруживаются области социокультурной жизни, изменяющиеся в каких-то иных формах или структурно не изменяющиеся в течение относительно длительных промежутков времени. Важно понять, какими должны быть свойства социокультурных единиц, меняющихся в эволюционной форме.

Итак, определенные положения классического эволюционизма продолжают оставаться важным инструментом изучения динамики общества и культуры. Причем сегодня совершенно очевидно, что процессы развития имеют свои границы и не исчерпывают всех исторически значимых типов социокультурных процессов.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Баньковская С.П.* Инвайроментальная социология. Рига, 1991.  
*Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1983.  
*Орлова Э.А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2004.  
*Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.  
 Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения. М., 1971.  
 Этнология в США и Канаде. М., 1989.  
 Ethnicity: Theory & experience. Cambridge (Mass.), 1975.  
*Hatch E.* The growth of economic, subsistence and ecological studies in American anthropology // J. of anthropological research. Vol. 29. 1973.  
 Main currents in cultural anthropology. N.Y., 1973.  
*McLennan J.F.* Studies in ancient history. L., 1986.  
*Morgan L.H.* Ancient society. Cambridge (Mass.), 1964.  
*Parsons T.* Evolutionary universals in society // American sociological review. XXIX. 1964. № 3.  
*Rappaport R.A.* Some suggestions concerning concept and method in ecological anthropology // National museum of Canada bulletin. 1969. № 230.  
*Sahlins M.* Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of anthropology. S. Tax (ed.). Chicago, 1965.  
*Sahlins M.* Evolution: specific and general // Theory in anthropology. R. Manners, D. Kaplan (eds.). Chicago, 1968.  
 Social science concepts: a systematic analysis. G. Sartory (ed.). Beverly-Hills—L., 1984.  
*Spenser H.* The principals of sociology. Vol. 1—3. N.Y., 1897—1899.  
*Steward J.* Theory of cultural change: the methodology of multilinear evolution. Urbana. 1955.  
*Tylor E.B.* Anthropology. N.Y., 1916.  
*Tylor E.B.* Primitive culture. L., 1871.

#### Примечания

1. Английские антропологи Э. Тайлор, Дж. Макленнан, Дж. Леббок первыми и почти одновременно начали систематическим образом разрабатывать эволюционную концепцию человеческой истории. Тайлор проявлял большой интерес к ранним культурам; Макленнан ограничивался воссозданием истории брака и семьи. Тайлор оказал серьезное влияние на формирование культурной антропологии своими тезисами о пережитках и анимизме как первой ступени религиозных представлений. Хотя идеи Макленнана и не наши убедительных подтверждений, тема семьи и родства стала для этой науки классической. Леббок, будучи не только антропологом, но и археологом, предложившим выделить в истории первобытного общества ранний и поздний каменный век, утверждал представление о развитии как естественно необходимом процессе.

В Германии формирование эволюционизма принято связывать с именами О. Пешеля, А. Бастиана, И. Липперта. Пешель, проводя аналогию между течением жизни людей и растений, по-новому представил фактор времени в эволюционном процессе, указав на пространственное сочетание обществ, находящихся на разных стадиях развития. Бастиан выделил единицы, которые он считал основой всех явлений культуры и называл клетками или «элементарными идеями». Он полагал, что в каждой из географических провинций земного шара в силу одинаковости условий проживания люди разделяют общие «этнические идеи». Липперт — более поздний представитель эволюционизма — претендовал на создание «прагматической истории культуры», рассматривая жизнеобеспечение как «основной стимул, господствующий повсюду» и объединяющий людей. Развитие человеческого общества он видел как последовательное развитие солидарности. Исходя из этих позиций, он выделил ряд локальных вариантов исторического развития.

Во Франции эволюционизм формировался в рамках социологии. Первым его приверженцем стал О. Конт. Он не давал понятию «эволюция» четкого определения, но применял его в общем смысле роста и прогресса. И хотя не предполагалось, что конечный результат эволюции всегда или с необходимостью содержится в ее началах, все же первобытность с господствующей в ее рамках религиозностью была разделена на последовательные стадии: фетишизм (охота), политеизм (скотоводство) и монотеизм (земледелие). Последователями Конта были Э. Дюркгейм, Ш. Летурно, Л. Леви-Брюль.

В США первой социальнонаучной эволюционистской работой стала книга Л. Моргана «Системы родства и свойства» (1858). Позднее он опубликовал монографию «Древнее общество», где, согласно классическим представлениям, разделил развитие первобытного общества на три этапа — дикость, варварство, цивилизация, — но вдобавок каждый из первых двух этапов — на три ступени. По этой схеме он оценивал изобретения и открытия (понимаемые как важные движущие силы общественного развития), формы

социальной организации, семью и собственность в обществах такого рода. Он был одним из первых сторонников идеи унитарной эволюции, согласно которой все культуры одинаково прогрессируют от низших ступеней к высшим и которую не разделяли другие эволюционисты того времени.

В России эволюционизм начал формироваться примерно в то же время, что в Европе и США, хотя и не имел значительного влияния. Одним из первых его сторонников здесь был К.Д. Кавелин. Из более поздних эволюционистов следует упомянуть Л.Я. Штернберга, Н.И. Зибера, М.М. Ковалевского. Особый интерес вызывали работы Ковалевского, где процесс общественного развития связывался с трансформацией общины.

Свой вклад в развитие эволюционизма внес швейцарский исследователь И. Бахофен. В работах, посвященных изучению «материнского права», он описывал историю семейных отношений как производной процесса общественного развития.

В рамках эволюционизма принято выделять ряд течений:

– культурно-историческое (Э. Тайлор, Л. Морган, И. Липперт, Дж. Леббок, И. Мукке, К.Д. Кавелин, М.М. Ковалевский). Его сторонники описывали либо развитие отдельных областей общественной жизни, либо логическую последовательность ступеней социального развития для осуществления более сложных исторических реконструкций и разработки классификационных схем. Его место в культурной антропологии связано с описаниями первобытного общества;

– биологическое (А. Бастиан, Т. Ахелис); в его пределах закономерности эволюции общества и культуры обосновывались исходя из принципов естественных наук;

– социологическое (О. Конт, Э. Дюркгейм, Е. Вестермарк, Дж. Макленнан, И. Бахофен, К. Штарке, Ш. Летурно). Здесь в центре внимания было изучение развития социальных институтов – брака и семьи, разделения общественного труда, частной собственности;

– географическое (О. Пешель, К. и Р. Андре, Н.П. Надеждин). Представители этой позиции, считая, что географию следует связать с развитием человека на Земле, начали изучать отношения между обществом и природным окружением. Появление этой отрасли географии стимулировало в дальнейшем формирование экологической антропологии.

*Э.А. Орлова*

